

этом основании сдерживалось издание трудов, не соответствующих политической линии партийного руководства. Не получило поддержки, в частности, издание рукописи «документального романа» Николая Шумского.

¹ Волк И. «Сердце Бонивура» // Неделя: Воскресное прил. к газ. «Известия». 1961. № 35.

² Мухачёв Б.И. Слава далёких дней // Камчатская правда. Петропавловск-Камчатский, 1961. 14 нояб.

³ За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.): сб. ст. Петропавловск-Камчатский, 1957. С. 13—14; Мухачёв Б.И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917—1920 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд.-пис, 1975. 201 с.; ил.

⁴ Шумский Н. Человек из легенды (рукопись). Хранится в научном архиве академика А.И. Крушанова ИИАЭ ДВО РАН. Л. 355.

⁵ Там же. Л. 353—364.

⁶ Там же. Л. 366—369.

⁷ Там же. Л. 370—377.

⁸ Там же. Л. III—XII.

⁹ Арбатская Г. Чем отзовется в нас 37-й? // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток, 1988. 30 янв.

С.С. Пай

Просвещение корейцев на Дальнем Востоке России в контексте реформы народного образования в 1920-е гг.

К моменту окончания Гражданской войны отличительной особенностью населения дальневосточного региона была его многонациональность, обусловленная как геополитическим положением региона, так и особенностями колонизационной политики царского правительства и последовавшими после 1917 г. событиями. Национальная пестрота являлась одной из причин своеобразия реформы образования на Дальнем Востоке. Здесь имелись свои традиции, в том числе в сфере образования так называемых «национальных меньшинств». До революции работа по их просвещению носила местный и отчасти случайный характер¹. Национальные учреждения, в том числе школы в большинстве своём возникали по инициативе национальных сельских сходов и содержались на собственные средства соответствующих сёл. Однако существовали культурно-просветительные учреждения, в том числе и школы, финансировавшиеся государством.

19 июля 1918 г. при Дальневосточном Совете народных комиссаров (Дальсовнарком) был создан «инородческий отдел». Гражданская война и интервенция осложнили проведение преобразований в области просвещения среди национальных меньшинств. В Приморской области, оккупированной в 1918 г. интервентами, вопросы просвещения находились в ведении органов местных самоуправлений — городских и сельских земских управ². Не имея достаточных средств для решения проблем национальных диаспор, органы местного самоуправления продолжали финансировать только те культурно-просветительные учреждения, которые содержались за государственный счёт ещё при царском режиме. К ним относились и школы. Например, в

¹ Приморская область с 1917 по 1920 гг. включала в себя 4 уезда: Никольск-Уссурийский, Иманский, Ольгинский, Хабаровский. В составе ДВР в 1920—1922 гг. в Приморскую область входили 2 уезда: Никольск-Уссурийский и Ольгинский.

г. Владивостоке городская управа содержала две корейские школы.

В 1921 г. в Дальневосточной республике (ДВР) было создано Министерство по национальным делам, в ведении которого находились национальные образовательные и культурно-просветительные учреждения. Вопросами просвещения среди представителей шести национальностей: украинцев, бурят-монголов, тюрко-татар, евреев и так называемого «туземного населения», т.е. малочисленных народов Дальнего Востока, ведали соответствующие отделы.

Министерство во главе с К.Я. Луксом разработало Положение об органах культурно-национального самоуправления корейцев, проживавших на территории Дальневосточной республики. К.Я. Лукс считал необходимым укрепить положение корейцев, признавших новую Родину — ДВР. «Положение» предусматривало создание корейских национальных обществ, общих собраний, советов и съездов советов, предоставление права по устройству национально-культурной жизни корейским иммигрантам, хлынувшим в Приморскую область и ДВР весной 1919 г. после подавления в Корее восстания против японских оккупантов. Однако в «Положении» не предусматривалось предоставления им политических прав².

После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке ДВР была упразднена, а её территория вошла в состав Советской России. 11 декабря 1922 г. подотдел социального воспитания (соцвос) Дальоно принял дела от Министерства народного просвещения ДВР. После упразднения министерства в отделе управления Дальревкома работали два подотдела, ведавшие вопросами национального развития по корейским и туземным делам, которые в кратчайшие сроки провели регистрацию школьно-просветительных учреждений и анкетирование учителей.

18 мая 1923 г. состоялось первое организационное совещание по вопросу создания при Дальоно Совета по национальным меньшинствам (Совнацмен) при участии представителей партийных, профсоюзных и национальных организаций. Совещание

приняло постановление об организации Совета при Дальоно по просвещению национальных меньшинств. 1 декабря 1923 г. свой пост занял инспектор Дальоно по национальным делам, и началась плановая организационная работа. Были назначены инспектора в трёх губернских отделах народного образования (Забайкальском, Амурском и Приморском) и в трёх уездных (Никольск-Уссурийском, Спасском и Посъетском). В Приморском губоно введена должность специального инструктора по политическому просвещению. По национальности все инструкторы были корейцами, сведений о педагогическом, общественном, административном стаже и партийной принадлежности выявить не удалось³.

На 15 февраля 1923 г. на Дальнем Востоке, не считая Приморскую губернию, было следующее количество национальных школ: украинских — 37 (в том числе в Прибайкальской губернии — 2, в Амурской — 9, в Приамурской — 26), корейских — 5, тюрко-татарских — 7, еврейских — 4, бурят-монгольских — 66. Причём, все школы были 1-й ступени и лишь одна (бурят-монгольская) — 2-й ступени⁴.

В Дальневосточной области (ДВО), образованной на территории бывшей ДВР в 1923 г., проживало, по разным данным, 150—170 тыс. корейцев, из которых 120—130 тыс. чел, или 25% от общей численности населения региона, сосредоточились в Приморской губернии⁵.

Все корейцы на Дальнем Востоке делились на 2 группы: на российских (советских) граждан и иностранцев. Социокультурный статус этих групп был разным. Российские граждане (50 тыс. чел.) почти все имели земельные наделы по 15 десятин на двор, жили компактно целыми деревнями. Иностранцы подданные, которых насчитывалось 100 тыс., не имея своей земли, арендовали её у русских (стодесятинников), жили по 5—20 дворов разбросанно.

В Посъетском районе корейцы составляли 80% от общей численности населения. В состав ДВО вошли Амурская, Забайкальская, Камчатская, Приморская, Прибайкальская и Приморская губернии.

численности населения. Российские граждане имели школы, содержавшиеся на средства государства. В 1924 г. в Приморской губернии на содержание корейских школ было выделено 81 252 руб., или 7,18% бюджета губернии⁵. Иностранцы поданные содержали школы на собственные средства. В Приморской губернии их было 84 со 120 учителями и 4120 учащимися. В учебно-воспитательном и материальном отношении они находились в неудовлетворительных условиях: не было специальных помещений и оборудования, не хватало учебных принадлежностей, учебников, квалифицированных педагогов.

В 1923—1924 гг. в Приморской губернии, преимущественно в Посъетском районе, работали 27 школ для корейских детей, в Сучанском — 20, в Суйфунском — 16⁶. Преобладающий тип национальных школ на Дальнем Востоке к 1924 г. — школы-пятiletки. Например, в Приморской губернии было всего 3 корейские школы повышенного типа, т.е. преобразованные в семилетние: Владивостокская школа 1-й ступени № 12, Таудеминская и Янчихинская школы в Посъетском районе, граничившем с Кореей⁷.

Обучение в национальных школах продолжалось на год больше, чем в русских. В течение первых двух лет преподавание велось на родном для учащихся языке. Русский язык как обязательный предмет вводился со второго года обучения; с третьего года общеобразовательные предметы велись на русском языке, а родной язык преподавался как один из предметов.

Учителя национальных школ в городах получали в 1924 г. 40—55 руб., в сельской местности — 25—30 руб., что соответствовало средним показателям заработной платы учителей по губернии. Материальное положение и качество обучения в государственных национальных школах было далеко от совершенства. Например, согласно годовому отчёту Никольск-Уссурийской 2-й семилетней школы за 1925/26 учеб. год школа находилась в тяжёлом положении в отношении обеспеченности учебным инвентарём и пособиями. Её посещали дети наименее благополучной части корейского населения г. Никольска-Уссу-

рийского и его окрестностей: преобладали дети безземельных крестьян, лиц без определённой профессии, ведущих кочевой образ жизни, которые жили в антисанитарных условиях, плохо питались. Контигент учащихся был неустойчив. Они менялись каждый год. Были и такие корейцы, которые жили в городе, а именовались крестьянами, так как арендовали у горкомхоза земли и культивировали чумизу, рис и др⁸.

Основные хозяйственные расходы школы (отопление, освещение, ассенизация) производились за счёт госбюджета. Так как платёжеспособных родителей среди этих корейцев не было, то по решению школьного совета почти все учащиеся платили за учёбу по 10—20 коп. в месяц. Эти мизерные деньги составляли спецсредства школы. Оборудование кабинетов-лабораторий, снабжение инвентарём, учебниками и учебными пособиями шло за счёт горono или окроно, которые передавали излишки средств и пособий из других школ.

В Никольск-Уссурийском 2-й семилетней школе, в которой обучалось большинство корейских детей, уделялось особое внимание. В течение года её посетили инспектор Наркомпроса А.А. Лобов, инспектор Дальнего Юга, инспекторы горono и губono. Учебный процесс в ней осуществлялся согласно принципам единой трудовой школы, учащиеся делились на шесть групп. 4-я группа работала по предметной системе обучения, остальные — по программам, разработанным Главным учёным советом (ГУС) Наркомпроса. Цели и принципы трудовой школы реализовывались в комплексе: природа, труд и общество. Установление связи между ними — главная задача комплексной системы построения учебной программы, введённой в 1923 г. Школьные науки изучались в одном комплексе в связи с окружающей жизнью. Программы раскрывали несколько уровней этой связи: улица — село — город; уезд (район) — область — республика; СССР — страны мира. Общественно полезный труд был связующим звеном школы с окружающей жизнью. Каждая школьная тема должна была отражать явления жизни, а общественно полезная работа ставилась во главу учебного процесса. Например, уборка

школьного двора осенью и весной, починка мостика, ведущего к школе, участие школьников в общегосударственном мероприятии типа проведения Всероссийской переписи 1926 г. и др.

В школе отсутствовали учебники на корейском языке, а также другие учебники. Поэтому в первые годы советской власти основным методом преподавания был метод «запись — письмо», когда учитель записывал тезисы урока на доске, а ученики записывали у себя в тетрадях. В итоге в конце занятий у каждого учащегося имелась своя тетрадь с рисунками и чертежами как продукт учебной деятельности. Остальные учебные методы — наглядный, иллюстративный, активно-трудовой, экскурсионно-исследовательский и др. — были дополнительными к методу «запись-письмо». Успеваемость учеников по школе считалась удовлетворительной.

В течение года проводились Дни новой школы: праздники, вечера воспоминаний, посвящённые Дню смерти В.И. Ленина, Октябрьской революции, Кровавому воскресенью, Первомайским событиям в Корее, Дню памяти Парижской коммуны, 1 Мая. Политизированность внешкольной работы, проводившейся в советской школе в 1920-х гг. независимо от национальной принадлежности её учеников, была очевидной. В 1930-е гг. эта тенденция превратилась в направление государственной политики.

В 1918 г. для подготовки квалифицированных национальных кадров для корейских школ в г. Никольске-Уссурийском по инициативе Всекорейского национального совета открыли корейскую учительскую семинарию. До 1921 г. она финансировалась государством. С 1921 по 1923 г. семинария владчила жалкое существование на средства частных лиц. 31 июля 1923 г. по распоряжению Дальнего её объединили с Никольск-Уссурийским педагогическим техникумом. В 1923/24 учеб. году был открыт 1-й класс корейского отделения на 30 чел., но фактически обучался 21. Корейская семинария просуществовала самостоятельно 5 лет, в 1923 г. произвела первый выпуск: 9 учителей, из них 3 корейца, остальные русские. Число учащихся в ней уменьшалось с каждым годом. Решением губоно корейскую семинарию

временно закрыли, а учащихся перевели в Никольск — Уссурийский педагогический техникум, где функционировало корейское отделение. В 1924 г. в г. Никольске-Уссурийском открыли Корейский педагогический техникум с семилетним курсом обучения⁹.

Осенью 1923 г. при Государственном Дальневосточном университете (ГДУ) начал действовать рабочий факультет с техническим и общественно-экономическим отделениями. Численность студентов на рабфаке с 1923 по 1929 г. увеличилась вдвое — с 230 до 500 чел. Кроме русского отделения рабфак имел два восточных: в 1925 г. открылось корейское отделение, а в 1926 г. — китайское. В 1926 г. на корейском отделении обучалось 25 рабфаковцев; в 1928 г. на русском отделении — 303 чел., на корейском — 98, на китайском — 51¹⁰.

Среди учителей и преподавателей Дальнего Востока были известные представители корейской национальности: учительница А.П. Ким-Станкевич и профессор ГДУ В.С. Пак. После 1917 г. из 10 приамурских комиссаров четверо были учителями. Комиссаром по иностранным делам в Хабаровском городском Совете была владивостокская учительница А.П. Ким-Станкевич, погибшая от рук калмыковцев в 1918 г. Витольд Степанович Пак, инженер, выпускник горного отделения Томского технологического института, в течение 15 лет работал на инженерных и руководящих должностях Приморского и Иркутского горных управлений. В годы Гражданской войны и интервенции (1919—1922) он был управляющим Сучанскими каменноугольными копиями, с сентября 1922 г. принят доцентом на кафедре горного искусства во Владивостокский государственный политехнический институт, где читал курс горного искусства. В нём прекрасно сочетались качества крупного организатора, практика горного дела и преподавателя.

С 1923 по 1926 г. В.С. Пак занимал должности окружного горного инспектора Приморского горного округа, специалиста Дальпромбюро и одновременно работал на горном отделении технического факультета реорганизованного Государственного Дальневосточного университета. В 1926 г. Витольд Степанович

перешёл на штатную должность в ГДУ, а в 1928 г. стал профессором. В 1932—1934 гг. талантливый учёный и организатор был инициатором создания и директором Дальневосточного горного института в г. Владивостоке. После слияния института с Дальневосточным политехническим институтом он переехал в Москву, получил учёную степень доктора технических наук, избран членом-корреспондентом, а в 1951 г. — действительным членом Академии наук Украинской ССР. Он являлся автором свыше ста научных работ, в том числе монографий, учебников, первые из них написаны во Владивостоке. В.С. Пак награждён высокими правительственными наградами СССР: орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени¹¹.

Из года в год количество национальных школ в Дальневосточном крае росло*. Всего в 1929—1930 гг. на Дальнем Востоке функционировала 261 национальная школа, из них 248 — I ступени, семилетних — 5, девятилетних — 1; школ II ступени — 1, школ крестьянской молодёжи — 1, педтехникумов — 1 и рабфаков — 2¹².

В 1920—1930-е гг. главное направление государственной политики в области просвещения — ликвидация неграмотности и азбучной безграмотности населения советской России и СССР, особенно среди так называемых «национальных меньшинств» на Дальнем Востоке. Сложной была задача ликвидации неграмотности среди корейцев и китайцев ввиду ежегодного массового наплыва неграмотных рабочих и крестьян из Кореи и Китая. В 1923 г. в Дальневосточной области имелось 2 массовых пункта по ликвидации неграмотности для китайцев в городах Чите и Благовещенске, 40 массовых и 5 опорных ликвидационных пунктов для корейцев в Приморской губернии¹³.

В Приморской губернии издавались газеты, книги и учебники на корейском языке для школ и библиотек, велась подготовка и переподготовка национальных кадров. Приморский губком партии издавал на свои средства еженедельную газету на корейском

* Дальневосточный край создан в 1926 г. в составе Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской губерний (центр в г. Хабаровске).

языке «Авангард» и ежемесячную газету на китайском языке «Рабочий путь». Для корейцев в четырёх крупных сёлах Приморья были открыты избы-читальни, клуб, библиотека, Народный дом; издан на корейском языке букварь «Долой неграмотность!» (тираж 5 тыс. экз.), переведены «Политграмота» Коваленко и книга «Кто чем живёт» Дикштейна.

Сеть национальных школ и учреждений культуры для национальных меньшинств на Дальнем Востоке в основном сформировалась в начале XX в.: в каждом корейском населённом пункте была школа, а в крупных сёлах — по две. Однако в массовом порядке их стали открывать в 1920-е гг. В 1925 г. в целом по Дальневосточной области было уже около 250 корейских, 3 китайских и 43 бурятских ликпунктов. В них обучалось 6739 корейцев, 50 китайцев и 43 бурята¹⁴. Несмотря на увеличение сети ликпунктов и других культурно-просветительных учреждений, из-за постоянных миграций восточного населения отдача от мероприятий по ликвидации неграмотности в их среде была низкой. Корейские школы повсеместно закрылись в 1937—1938 гг. в связи с репрессиями по национальному признаку и депортацией корейцев в республики Средней Азии и Казахстан.

1920-е гг. в истории российского Дальнего Востока были чрезвычайно сложными. Население испытывало постоянные потрясения социальных преобразований, в том числе в условиях Гражданской войны и объединённой иностранной интервенции. Регион прошёл через демократические нововведения периода Дальневосточной республики и ряд преобразований по большевистским проектам социалистического строительства от нэпа до коллективизации. Политика правительства ДВР, а затем и советской России в области образования больше учитывала потребности населения, в том числе и корейского вследствие его многочисленности. Органы государственной власти прилагали все возможные усилия, чтобы корейцы, прежде всего подрастающее поколение, могли получить общедоступное образование, освоить государственный язык страны проживания, получить специальность и включиться в социалистическое строительство.

Материальная база корейских национальных школ была слабой: не хватало специальных помещений и оборудования, почти с нуля приходилось создавать учебники и учебные пособия, острой оставалась проблема с педагогическими кадрами. Серьёзным препятствием был постоянный приток новых корейских переселенцев, многие из них в поисках лучшей доли вели кочевой образ жизни. Тем не менее, несмотря на все трудности, уже в 1920-е гг. был заложен прочный фундамент для перехода ко всеобщему начальному образованию подавляющего большинства корейского населения советского Дальнего Востока.

¹ Подробнее см.: Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России: 60—90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 206—227; Его же. Корейская диаспора в России. 1897—1917 гг. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 221—242.

² Петров А.И. Корейцы в Дальневосточной республике // Гражданская война на Дальнем Востоке России: Итоги и уроки // Тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. 5—9 октября 1992 г. Владивосток, 1992. С. 127.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1181. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 431. Л. 304.

⁵ Там же. Д. 1181. Л. 10, 16.

⁶ Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. Владивосток, 1999. С. 41.

⁷ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1181. Л. 12.

⁸ ГАПК. Ф. 756. Оп. 1. Д. 3. Л. 75.

⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1181. Л. 13; Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917—конец 30-х годов). М.; Иркутск; СПб., 1995. С. 138.

¹⁰ Студенчество и рабфаковцы ДВГУ в 1928—1929 гг.: (По данным обследования в 1928 г.) // Дальневосточное статистическое обозрение. 1929. № 5—6. С. 58.

¹¹ ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 2. Л. 36; Наш Дальневосточный политехнический. Владивосток, 1977. С. 240—241.

¹² Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917—1941 гг.): документы и материалы. Владивосток, 1982. С. 292.

¹³ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1181. Л. 13.

¹⁴ Там же. Д. 338. Л. 139.